

Д. М. Толочко

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

ПОЛЬСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ИЗ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ: (ИЮЛЬ 1940 – ИЮНЬ 1941)

В статье исследуется проблема материально – бытового обслуживания и трудоустройства польских беженцев из западных областей Украины и Беларуси в условиях спецпоселений (июль 1940 – июнь 1941 гг.). Автор приходит к выводу, что обеспечение спецпереселенцев – беженцев в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными. В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. Оно стало важнейшим шагом на пути создания белорусской государственности. Этот шаг осуществлён в условиях начавшейся второй мировой войны и связан с множеством драматических событий её первого этапа. Среди них – и массовый поток беженцев с территории Польши, занятой фашистской Германией и искавших спасение в БССР. Исследование судеб этих людей является одной из важнейших проблем новейшей истории Беларуси. В результате проведённой в июне 1940 г. операции по выселению беженцев, из западных областей республики было депортировано порядка 30 298 - 30 971 человек. Около 23 тыс. из них были размещены на спецпоселениях, остальные – в исправительно–трудовых лагерях НКВД [1, с. 242].

Спецпереселенцы - беженцы поступили в ведение Отдела трудовых поселений (ОТП) ГУЛАГа НКВД, переименованного в феврале 1941 г. в Отдел трудовых и специальных поселений (ОТСП). Подавляющее большинство из них для трудового использования были переданы в ведение предприятиям Наркомлеса, Наркомцветмета, ЦОЛеса и лесным лагерям НКВД. По прибытию беженцев принимающие организации должны были подготовить для них жильё. Строительство новых спецпосёлков не планировалось. Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, в частности, материалы с мест расселения, докладные по итогам проверок и т.д. местные власти в большинстве своём оказались неподготовленным к приёму и размещению беженцев [2, л. 29-30]. Основная масса спецпосёлков, находившихся в ведении Наркомлеса, располагалась в лесных, заболоченных зонах, вдалеке от населённых пунктов, инфраструктуры, необходимой для длительного проживания, источников питьевой воды. Во время распутицы добраться до них было очень сложно. Жилища, где размещались спецпереселенцы - беженцы, как правило, представляли собой помещения, мало приспособленные для жилья. Чаще всего это были дощатые помещения барачного и полубарачного типа. Последние, в основной своей массе, не были отремонтированы, утеплены, находились в антисанитарном состоянии. В подавляющем большинстве бараков не было индивидуальных кроватей. Люди спали на двухъярусных нарах [3, л. 9; 4, л. 41]. Согласно положению «О спецпереселенцах и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР», каждой семье спецпереселенцев должна была предоставляться отдельная комната или отдельное место в бараке, из расчёта не менее 3 кв. м. на человека. На таких же условиях должны были расселяться и беженцы. Однако на практике эти нормы не выдерживались [4, л. 149-150]. Скудность в помещениях усугублялась антисанитарным состоянием посёлков. В спецпосёлках не хватало прачечных, бань, мыла. На всю Архангельскую область, 91 например, насчитывалось всего 179 бань, последние топились «по-чёрному», их пропускная способность составляла 15-20 человек в день [4, л. 174]. По причине отсутствия прачечных бельё стиралось и сушилось прямо в бараках. Антисанитария, скудность в местах проживания вызывали инфекционные заболевания среди спецпереселенцев. Так, в течение августа – сентября 1940 г. в спецпосёлках трестов Краслес, Севполярлес от тифа, дизентерии и т.д. умерло 289 спецпереселенцев [3, л. 12]. Неудовлетворительным также обстояло

дело с обеспечением прибывших товарами первой необходимости. Не хватало спичек, керосина, продуктов питания. В спецпосёлках практически отсутствовали крупы, овощи. С перебоями доставлялся даже хлеб. Основной рацион спецпереселенцев составляли хлеб и суп [4, л. 175]. Основные причины подобных фактов объяснялись не только неподготовленностью областей и районов к приёму и размещению спецпереселенцев-беженцев. Отдельные из них, например, Новосибирская, Свердловская, Архангельская области, Коми АССР, где была размещена основная масса беженцев, своими силами просто-напросто не могли обеспечить всех прибывших продуктами питания и промышленными товарами. Российский исследователь М.Б. Рогачёв в диссертации, посвящённой судьбам депортированных в Коми АССР в течение 1940 – 1944 гг., обращает внимание на тот факт, что в республике и без того наблюдался дефицит промышленных и продовольственных товаров [5, с. 97–98]. Трудности с обеспечением беженцев жильём, продовольствием, промышленными товарами усугублялись, как отмечалось в различного рода докладных проверяющих организаций, частыми злоупотреблениями со стороны ответственных лиц. Это и воровство, и бездушное отношение к спецпереселенцам и др. [6, л. 32]. Указанные явления в значительной степени являлись причиной высокой смертности среди спецпереселенцев – беженцев. Согласно официальным данным ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР, среди этой категории депортированных со времени расселения до 1 июля 1941 г. умерли 1855 человек. Сложная ситуация наблюдалась также с трудоустройством и трудоустройством депортированных беженцев. В многочисленных документах проверяющих организаций отмечалось, что «предприятия не подготовились к освоению беженцев, не продумали плана расстановки сил, не обеспечили участки работ инструментом в нужном количестве и соответствующего качества» (из докладной начальника Главного экономического управления НКВД СССР Б.З. Кобулова «О приёме и расселении беженцев из УССР и БССР») [2, л. 28]. В этой связи неудивительно, что часть трудоспособных спецпереселенцев не использовалась на работе. По данным на сентябрь 1940 г. в Иркутской области «трудоиспользовалось» 46, 9% беженцев, Архангельской – 79,8%, Свердловской – по предприятиям Наркомлеса (94, 4%), Наркомцветмета – 90, 9% [7, с. 120–121]. Как свидетельствуют данные из мест расселения беженцев, даже получив работу, они выполняли производственные нормы от 20% до 60% [3, л. 56–57]. Как следствие этого заработки беженцев были крайне низки и не могли обеспечить прожиточного минимума. Так, согласно сведениям по Архангельской области, средняя заработная плата беженцев в 4-ом квартале 1940 г. составляла 92, 5 рубля [подсчитано по 6, л. 43]. Некоторые из них зарабатывали даже по 80 копеек [3, л. 165]. Следует также отметить, что в системе лесной промышленности расценки были и без того низкие. Даже те спецпереселенцы, которые выполняли нормы до 131%, зарабатывали в месяц не более 240 рублей [7, с. 127]. Более того, отмечались многочисленные факты задержки заработной платы [3, л. 12]. Наблюдались случаи дискриминации беженцев при распределении работы и др. [5, с. 158]. Невыполнение производственных норм со стороны спецпереселенцев – беженцев объяснялось не только плохим снабжением посёлков продуктами питания, нехваткой рабочих инструментов, одежды и обуви. Некоторые беженцы просто не могли выполнять 92 тяжёлую физическую работу [2, л. 28]. Согласно справке Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД среди депортированных из западных областей УССР и БССР насчитывалось 17 профессоров и научных работников, 1 академик, 12 архитекторов, 310 инженеров, 563 врача, 589 преподавателей, 31 художник, 1277 бухгалтеров, 188 адвокатов, значительная часть беженцев имела рабочие специальности [3, л. 27-28]. Основная масса высококвалифицированных специалистов-беженцев использовалась, как правило, не по специальности, на низкооплачиваемых физических работах. Согласно данным органов ОТСП ГУЛАГа СССР на 1 апреля 1940 г. из указанных выше 15 037 беженцев работало по специальности только 5 000 человек [3, л. 56]. Кроме того, среди беженцев имелись лица нетрудоспособного возраста, инвалиды. Как свидетельствуют архивные документы, руководство ОТП - ОТПС ГУЛАГа НКВД, начиная с сентября 1940 г., начало осуществлять массовые проверки трудоустройства и

размещения спецпереселенцев - беженцев. В дальнейшем они продолжались вплоть до июня 1941 г. Это было вызвано различными причинами: жалобами самих беженцев, сообщениями со стороны местных органов НКВД, в которых указывалось на неудовлетворительное обеспечение беженцев товарами первой необходимости, жильём, работой и др. Первая из них была организована в сентябре 1940 г. По её результатам руководство ОТП-ОТСП ГУЛАГа НКВД предложило Наркомлесу, ЦОЛесу, Наркомцветмету немедленно провести ремонт и дополнительное строительство жилых помещений для спецпереселенцев-беженцев, улучшить их бытовое обслуживание и трудоустройство [2, л. 31–32]. Наркоматы не могли оставить указанные замечания без должного внимания. Тем более, что данные проверок направлялись непосредственно в ЦК ВКП(б), в частности, лично И.В. Сталину и В.М. Молотову [3, л. 7]. Кроме того, были усилены меры борьбы с произволом администрации спецпосёлков. Весной 1941 г. (точная дата в документе отсутствует) зам. прокурора СССР Мокичев направил прокурорам краёв и областей, в которых размещались спецпереселенцы, инструкцию. В ней предлагалось «регулярно практиковать выезды в места расселения спецпереселенцев», привлекать виновных в задержке выплаты заработной платы, халатном отношении к нуждам спецпереселенцев к уголовной ответственности [8, л. 115]. Как свидетельствуют архивные материалы, уже к весне 1941 г. ситуация на спецпоселениях начала меняться в лучшую сторону. В качестве примера нам хотелось бы привести материалы из докладной записки «О состоянии спецпосёлков Архангельской области за 1-ый квартал 1941». В документе содержатся сравнительные таблицы трудоустройства, заработной платы и обеспечения беженцев жильём по данным на 1 января 1941 г. и на 1 апреля 1941 г. Так, если в январе процент беженцев, занятых на производстве составлял 72, 7%, то к апрелю уже 87,9% [подсчитано по 4, л. 142]. Средняя заработная плата беженцев в апреле 1941 г. составила 141, 8 рубля (в январе 92, 5) [4, л. 143]. Размер жилплощади увеличился на 0, 6 м [4, л. 99-100]. Более того, отдельные беженцы, освоившись с производством, даже перевыполняли план. В отдельных районах, например, в Красноярском крае, также несколько улучшилось снабжение беженцев продовольственными и промышленными товарами [4, л. 8]. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что отмеченные выше позитивные сдвиги не носили ярко выраженного характера. Вплоть до июня 1941 г., как свидетельствуют отчёты, справки проверяющих организаций, спецпереселенцы, в том числе и беженцы, испытывали нехватку продовольствия, мануфактуры, качественного жилья, остро стоял вопрос с их трудоустройством, медицинским обслуживанием [3, л. 7–12]. Основную причину этого проверяющие организации прежде всего видели в халатном отношении отдельных лиц (не выше уровня начальников спецпоселений, главков, руководителей трестов и др.) к своим обязанностям по «созданию надлежащих жилищно – бытовых условий для спецпереселенцев». Не исключая этого, мы полагаем, что проблема требовала решения на общесоюзном уровне. Ни руководители главков, трестов, краёв, областей и др. просто-напросто не могли решить жилищную, продовольственную проблемы, вопросы трудоустройства своими силами. Вместе с тем на союзном уровне эти вопросы не решались. Таким образом, можно сделать следующие выводы. Обеспечение спецпереселенцев – беженцев из западных областей республики в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными. Это объяснялось целым рядом причин: неподготовленностью хозяйственных организаций к приёму и размещению беженцев, отсутствием у них необходимых финансовых и материальных ресурсов и др. Плохо также обстояло дело с трудовым использованием спецпереселенцев. Результатом указанных явлений стала высокая смертность среди спецпереселенцев-беженцев. Начиная с весны 1941 г., благодаря вмешательству руководства НКВД СССР, наметилось улучшение ситуации с трудоустройством беженцев, обеспечением их жильём, промышленными и продовольственными товарами. Однако в силу того, что решение этих вопросов возлагалось только на местные хозяйственные и партийные органы, которые просто-напросто не имели достаточных материальных ресурсов, указанная проблема оставалась открытой вплоть до июня 1941 г. Список источников и литературы

1. Толочко, Д.М. Проблема депортации польских беженцев из западных областей БССР (март – июль 1940 г.) / Д.М. Толочко // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеяння і ўзаемаўплывы: матэрыялы Міжнар. навук. канферэнцыі, Гомель, 28-29 верасня 2006 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф.Скарыны; рэдкал.: Р.Р. Лазько (адк. рэд.) і інш. – Гомель, 2006. – С. 237–243. 2. Материалы по выселению польских осадников. 6 ноября 1940 г. – 19 декабря 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). - Фонд 9479-с. - Оп. 1. - Д. 61. 3. Докладные записки и предложения, направленные в ЦК ВКП(б) о трудовом использовании осадников и беженцев, переселённых из западных областей УССР и БССР // ГАРФ. – Фонд 9479-с. – Оп. 1. - Д. 73. 4. Информационный материал ГУЛАГа о состоянии спецпоселений // ГАРФ. – Фонд 9479-с. – Оп. 1. – Д. 77. 5. Рогачёв, М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940 – 1944 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02 / М.Б. Рогачёв. - Сыктывкар, 2005 - 204 л. 6. Переписка с НКВД союзных республик о переселении спецпереселенцев из приграничных районов // ГАРФ. - Фонд 9479-с. - Оп. 1. - Д. 66. 7. Депортації: Західні землі України кінця 30 – х. початку 50 – х. рр.: Документи, матеріали, спогады: у 3 т. / ред.: Ю. Сливка. – Львів: Інститут українознавства НАНУ, 1996. – Т. 1: 1939 – 1945 рр. – 750 арк. 8. Переписка с начальниками ОИТК НКВД-УНКВД о порядке приписки трудпоселенцев, об улучшении жилищно-бытовых условий и медицинской помощи спецпоселенцев // ГАРФ. - Фонд 9479-с. - Оп. 1. - Д. 70. Dzmitriy Talochka. Polish refugees from the western regions of the BSSR in conditions of special settlements: (july 1940 - june 1941). Polish refugees from the western areas of Ukraine and Belarus in conditions special settlements (July 1940 - June, 1941) is investigated. The author comes to conclusion, that maintenance special settlers in places of their moving by the food, industrial goods, habitation, health services were unsatisfactory.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКАРЫНЫ